

Гордон, вызывающий "Бесов"

Телешоу для театра

Культура. — 2004. — 18-24 марта. — С. 6

Сцена из спектакля

Небезызвестного Александра Гордона, актера и телеведущего, автора ряда любопытных проектов, с легкостью можно назвать "человеком идеи". Равно как и излюбленных персонажей Достоевского — от князя Мышкина до господ Верховенских в купе с Николаем Ставрогиным. Последние, извлеченные из романа "Бесы", Гордона привлекли необычайно. Вплоть до того, что он вознамерился столкнуть их лбами с современным человечеством, выборочно представленным зрителями московского

Театра Школа современной пьесы. Затея представлялась оригинальной, актуальной и современной, поскольку синтезировала традиционные театральные приемы и телевизионные технологии. А именно: в разгар спектакля "Одержимые", поставленного режиссером-дебютантом Александром Гордоном по пьесе Игоря Волкова, в свою очередь основанной на мотивах романа "Бесы", собственно действию давалась отмашка: стоп! И на сцену приглашались ныне действующие политики. Ну, например, Ирина

Хакамада и Эдуард Лимонов, которые, кстати, успели поучаствовать в одном из допремьерных прогонов. По замыслу Гордона, тут должно было начаться своеобразное литературно-политическое ток-шоу, в которое по мере сил вовлекались бы и зрители. Причем реальные лица должны были изъясняться своими словами, а актеры-персонажи — исключительно текстами из Достоевского, для чего в их распоряжение был предоставлен внушительный цитатник на любой случай. Все это 30-минутное

действие фиксировалось бы телекамерами и затем транслировалось по каналу НТВ.

Однако когда гордоновская идея уже готова была воплотиться в жизнь, канал НТВ категорически отказался в ней участвовать до президентских выборов. Правда, на выручку пришла радиостанция "Эхо Москвы", обещавшая в один из последующих спектаклей предоставить его участникам и гостям прямой эфир плюс интерактивную связь с находящимися дома радиослушателями. Что из всего этого получится — Бог весть, пока же затея повисла на волоске, а Гордону по ходу дела, то есть конкретного спектакля, приходится все менять и трансформировать. Пародийной же "бесовщине", не втиснутой ни в какие структурные рамки, есть где разгуляться.

То, что происходит на Малой сцене Школы современной пьесы, достойно кисти Айвазовского. Чинно рассказывающих зрителей тут же ловят на "крупный план" и демонстрируют на экране-заставке. Затем начинается игра в "детский сад". Вы, дама в белом, пересядьте на другое место, ваш наряд бликует на экране. Вы, мужчина, явно вышли в свет не с женой, поэтому отсядьте, дабы не стать уличенным в супружеской неверности. Вы, попавший на экран, немедленно сделайте умное лицо и выньте изо рта жвачку. А теперь все разом достаньте мобильные телефоны и покажите, что они отключены.

Затем на арене появляются сам г-н Гордон, но игрища продолжают. Над экраном последовательно высвечиваются надписи: "аглодисменты", "одобрение", "негодование", и публике предлагается отрепетировать каждое из этих действий. При этом не забудьте, что все в результате идет псу под хвост, поскольку никаких телетрансляций пока не предви-

дится, а по радио не поймешь, умное у тебя лицо или нет. Но не пропадать же задуманному "добру".

Потратив добрые 20 минут на все эти бессмысленные экзерсисы, приступаем к собственно действию. Ан нет. Не унимается Гордон, которому непременно надо свою образованность показать, тем самым от публики себя отделить. Мы, мол, вам сейчас "Бесов" зафигачим, а что вы, собственно, о них знаете? Ну-ка поднимите руки, кто роман читал. В ответ — неожиданный лес рук. Гордон неприятно удивлен. Опять накладка? Кому же излагать краткое содержание романа в вольном пересказе? Оно тем не менее все равно излагается, со снисходительным недоверием к "знающим". Но наконец-то все формальности соблюдены и начинаются "Одержимые", которых Гордон с неистребимым упорством переводит в жанр ток-шоу. Только теперь в качестве его участников — персонажи романа. Гордон же в программе поименован "Автором". Учтя, что львиная доля его реплик и вопросов взята из романа, следует понимать тождество "Автора" самому Достоевскому, хотя последний вряд ли был столь циничен. Но имидж обязывает. Гордона, естественно.

Каждый из персонажей, анфас и в профиль, сначала является на экране, сопровождаемый "информацией к размышлению", достойной школьных пособий по литературе, кратко пересказывающих содержание произведений русской классики. После чего следует "живое" появление героев на прозрачном пластиковом помосте с лесенками и современными стульями. Практически все темпераментны и "масочны" одновременно. Рыжеволосый Верховенский-отец (Альберт Филозов), использующий говорок первого президента СССР. Филарствующий Петр Верховенский (Вадим Рад-

ченко), долговязым чертом мечущийся по подмосткам и залу. Раскрашенная и истеричная Лебядкина (Ольга Гусилетова), ее пьяно-декламирующий братец (Юрий Чернов) и прочие.

Всем вместе предполагается провести некое журналистское расследование факта самоубийства Николая Ставрогина (Дмитрий Писаренко). Для этого события отмащиваются назад, сопровождаемые надписями: "за 24 часа до самоубийства", "за 12 часов", "за 2 часа". Гордон, поначалу столь активно вмешивающийся в действие, вскоре без объяснения причин испаряется в "закрастье", а действие бредет своим чередом, то есть по сюжету. Актеры нервничают, но играют как могут, периодически, впрочем, теряясь от непрописанности режиссерских задач. Единственное "новшество", да и то с длинной бородой, — смешение телекиноприемов с театральной обыденностью. Ставрогин — Писаренко, представленный в облике едва ли не Христа перед распятием, мученика и страдальца, монументом является на экране, к нему же вызывают пигмеи-остальные. В современном театре все это обыграно и отыграно уже не раз.

В финале вновь объявившийся Гордон, закончив ток-шоу, повелел публике задуматься над вечными вопросами: "что делать?" и "кто виноват?" После чего и отпустил всех с миром. Если кто и задумался, то явно не во вселенском масштабе, а исключительно с точки зрения этого действия. Миротворческого, впрочем. Потому как если и хотели взорвать бомбу, то ингредиентов недокупили, да и изготовили, как водится, спустя рукава. Вот и получился не взрыв, а знакомый звук совершенно иного характера.

Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ